

На правах рукописи

Работа выполнена на кафедре общего и славянского языкознания
Пермского государственного университета

БОГАЧЕВА Мария Владимировна

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Полякова Елена Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Березович Елена Львовна

кандидат филологических наук, доцент
Гордеева Ольга Владимировна

**РЕКОНСТРУКЦИЯ РУССКОЙ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
НА МАТЕРИАЛЕ ОЙКОНИМИИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ведущая организация: Уральский государственный
педагогический университет

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Защита состоится 4 декабря 2003 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета К 212.189.02 в Пермском государственном
университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, зал заседаний
Ученого Совета, ауд. 938.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Пермского государственного университета

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Автореферат разослан 30 октября 2003 г.

Пермь 2003

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук

Т.Б.Трошева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование выполнено в рамках исторической лексикологии на ономастическом материале и стоит в ряду работ, направленных на пополнение имеющихся сведений о словарном составе предшествующих периодов истории русского языка письменной эпохи.

Метод реконструкции слов как способ познания лексики, функционировавшей в прошлом, является одним из основных в историческом языкознании. Традиционно он рассматривается как метод, применяемый преимущественно в этимологических трудах, а именно в исследованиях, направленных на изучение лексикона дописьменной эпохи на материале нарицательных и собственных имен существительных, зафиксированных в различных текстах. В России наиболее значительным достижением в области таких разработок является создаваемый в настоящее время «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О.Н.Трубачева.

Вместе с тем лексикологи, в числе которых А.М.Селищев, Б.А.Ларин, Ф.П.Филин и многие другие, уже давно указывали на имена собственные (ИС) как на один из ценнейших источников пополнения сведений о словарном составе русского языка письменной эпохи. В пользу этой идеи говорят результаты работ, так или иначе связанных с изучением семантики слов, послуживших основами онимов. Непосредственно реализация замысла восстановления лексики письменного периода на материале ИС осуществлялась в исследованиях Г.П.Смолицкой, Ю.И.Чайкиной, И.А.Кюршуновой, Е.Н.Поляковой. На основе топонимов и антропонимов ими разрабатывались *методики* реконструкции слов, то есть на различном ономастическом материале определялась совокупность приемов (процедур) проведения научных исследований, нацеленных на восстановление лексикона прошлого.

Реферируемая работа связана с топонимией. **Объектом** изучения выступают названия населенных пунктов (ойконимы) Пермской области, функционировавшие в 1928 г.; **предметом** анализа являются названия поселений как база для восстановления производящих нарицательных имен и апеллативная лексика как результат реконструкции.

Цель исследования — разработка и описание этапов реконструкции апеллативов на базе ойконимии Пермской области, лексико-семантический анализ выявленных апеллативов.

Актуальность исследования обусловлена прежде всего тем, что (1) отрабатываются приемы реконструкции апеллативной лексики прошлых эпох на базе ойконимов. Это, в свою очередь, способствует (2) восстановлению лексики не в полной мере изученного периода в истории русского языка, (3) выявлению слов живой речи, ранее не фиксировавшихся, (4) пополнению сведений о словарном составе диалектов террито-

рии с относительно четкими границами.

В качестве **источника** реконструкции (источника историко-лексикологических сведений) в данном случае использованы топонимы, которые менее информативны, чем тексты (памятники письменности, фольклорные произведения и произведения художественной литературы), но более значимы, чем антропонимы. Сами географические именованья для анализа черпаются из различных, но главным образом письменных свидетельств, а в зависимости от степени надежности исторических документов (места фиксации имен собственных — памятника письменности, списка населенных пунктов и т.п.) такие ИС обладают определенной временной характеристикой. Вместе с тем они имеют жесткую географическую привязку.

Обращение к ойконимам обусловлено, во-первых, временем формирования пермской ойконимии (XVI – первая четверть XX вв.)¹, недостаточно исследованным в отечественной ономастике, и, во-вторых, наибольшей устойчивостью и «консервативностью» данного пласта лексики.

Непосредственным источником материалов для исследования названий населенных пунктов Пермской области являются географические карты, многочисленные памятники письменности, главным образом деловой, и др. Большое значение приобретают списки поселений. Для Верхнего и Среднего Прикамья это списки ойконимов Пермской губернии за 1869, 1904–1910 гг., Уральской области — за 1928 г., Пермской области — за 1963, 1969, 1982 и 1991 гг.

Материалом для настоящего исследования послужили ойконимы, зафиксированные в «Списке населенных пунктов Уральской области» 1928 г. Он является наиболее полным, отражающим практически все употреблявшиеся наименования поселений, в том числе неофициальные. При этом сведения 1928 г. дают обширный материал для сопоставления ойконимов, имеющих длительную историю существования, и названий, возникших лишь в начале XX в. (в результате столыпинских реформ и после Октябрьской революции); дают возможность с большой четкостью проследивать общие тенденции номинации географических объектов, позволяют точно определять время вхождения в ойконимию ряда групп апеллативов.

Для анализа отобраны географические названия населенных пунктов

¹ Начальная дата обозначена как XVI в. условно. Во-первых, частично топонимия сформировалась еще до прихода на территорию Прикамья русских; это субстратный, нередко очень древний слой географических названий. Во-вторых, лишь с XVI в. ойконимы закреплялись в памятниках письменности. Но, хотя более ранних фиксаций нет, сами ойконимы могли существовать и ранее.

тех округов Уральской области (Верхнекамского, Пермского, Кунгурского, Сарапульского) и их районов, которые были зафиксированы на территории, входящей ныне в состав Пермской области.

Общее число привлеченных к изучению ойконимов — более 18 500.

При исследовании применялись различные **методы и приемы**. В частности, использован сопоставительный метод, который предполагает работу со специальной литературой, а именно: а) с данными ономастических исследований (в области топонимики, антропонимики); б) с данными лексикологических исследований (в области лексикологии, исторической лексикологии, диалектологии, этимологии); в) с данными литературы справочного характера (словарями историческими, этимологическими, ономастическими, диалектными, литературного языка, двуязычными). Использован ономастический метод установления структурной модели и мотивов номинации. Работа включает элементы метода картографирования с целью более наглядной демонстрации некоторых положений исследования. Применены приемы структурного (в частности, морфемного, формантного) анализа, языковой атрибуции материала.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Реконструкция как метод применима не только в этимологических, но и в историко-лексикологических исследованиях, то есть в исследованиях, нацеленных на дополнение сведений о лексиконе языка в письменную эпоху.

2) Специфика ойконимического материала определяет особую методику обработки и анализа этого материала при восстановлении нарицательных слов предшествующих периодов.

3) При реконструкции *русских апеллятивов* требуются специальные шаги по отбору материалов и исключению лексики, не отвечающей цели исследования.

4) Различна степень достоверности реконструкций формы (в большей степени) и реконструкций семантики (в меньшей степени) апеллятивов.

5) Специфика ойконимического материала определяет возможности реконструкции историко-лексикологических данных.

6) Семантика восстанавливаемых на базе ойконимов лексем разнообразна, но поддается систематизации.

В соответствии с целью и защищаемыми положениями необходимо было решить ряд **задач**. Основными среди них являются: 1) обоснование применения термина «реконструкция» в исторической лексикологии; 2) теоретическое обоснование последовательности этапов реконструкции лексики на базе ойконимии, осуществление реконструкции на пермском материале; 3) теоретическое обоснование возможностей реконструкции апеллятивов на базе ойконимии; 4) освещение основных теоретических и

практических проблем реконструкции апеллятивов на материале ономастики; 5) лексико-семантический анализ выявленных апеллятивов, в частности лексики одной тематической группы («Географическая терминология»), 6) систематизация полученного в результате восстановления лексического материала посредством его тематической классификации.

Теоретическую значимость исследования обуславливают следующие аспекты: 1) диссертация входит в ряд работ, в которых реализуется новый подход к ономастическим данным как к источнику сведений в области исторической лексикологии; 2) с привлечением данных ойконимии продолжаются методические разработки в области реконструкции лексики; 3) определяются приемы тематической классификации апеллятивов, реконструируемых на основе ойконимов; 4) с помощью такой классификации выявляются системные связи восстановленной лексики.

В связи со всем вышесказанным **практическая ценность** работы усматривается в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузовском образовании — в общих лекционных курсах и на практических занятиях, в спецсеминарах и спецкурсах по предметам «Русская диалектология», «Русская ономастика», «Лингвистическое краеведение Прикамья», «Региональная лексика и ономастика», «История русского литературного языка», «Историческая лексикология», «Этимология». Помимо этого, полученные в ходе исследования результаты могут найти применение в работе этимологов, историков русского языка, лексикологов и лексикографов.

Научная новизна работы заключается в следующем: 1) разрабатывается методика реконструкции лексики на основе ойконимов; 2) впервые предпринимается восстановление апеллятивов и их семантики на материале пермских ойконимов 1928 г.; 3) в качестве материала для научного исследования, связанного с изучением семантики, привлекаются административно-территориальные списки населенных пунктов, ранее не использовавшиеся с этой целью; 4) на базе названий поселений реконструируются апеллятивы, функционировавшие на территории, имеющей относительно четкие границы, в период становления русских как нации и послепетровской эпохи (XVI-XVIII вв.) и в XIX – начале XX в.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены, во-первых, в 16 публикациях (13 в виде статей, 3 в виде тезисов), изданных в Перми, а также в Нижнем Новгороде, Челябинске, Мурманске, Соликамске и Славянске-на-Кубани; во-вторых, в 19 докладах и сообщениях, обсуждавшихся на научных конференциях (Пермь, 2000, 2001, 2002, 2003; Нижний Новгород, 2001; Киев, 2002; Соликамск, 2002; Челябинск, 2002; Санкт-Петербург, 2003) и заседаниях кафедр Пермского университета (2001, 2002, 2003) и Пермского педагогического университета (2003).

Исследование состоит из введения, основной части, включающей четыре главы, и заключения.

Работа содержит также список использованной литературы, список использованных словарей и источников, список принятых в тексте сокращений и условных обозначений, приложения: 1) сопоставительная карта (территория Верхнекамского, Кунгурского, Пермского, Сарапульского округов Уральской области по отношению к территории Пермской области); 2) лингвогеографическая карта – схема (отражение ареала распространения ойконимов с производящими основами *ключ*, *родник*); 3) схема (тематическая классификация реконструированных апеллятивов).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется объект и предмет исследования, раскрывается цель, обосновывается актуальность, описывается материал и характеризуются его источники, указываются методы и приемы исследования, его теоретическая значимость, практическая ценность и научная новизна. В положениях, выносимых на защиту, и задачах исследования отражается логика изложения полученных результатов и структура работы.

Глава I «Основные проблемы реконструкции лексики по данным ономастики» посвящена рассмотрению общетеоретических вопросов исследования.

В первом параграфе «Реконструкция лексики как метод исторической лексикологии» обосновывается ряд методологических положений.

Необходимым шагом теоретического плана видится уточнение термина «реконструкция». Представляется корректным рассматривать метод реконструкции как применимый в рамках не только этимологических, но и историко-лексикологических исследований. В последнем случае предлагается такое его понимание: реконструкция — в историческом языкознании применение комплекса приемов и процедур с целью воссоздания языковых состояний, форм, семантики путем сравнения соответствующих единиц отдельного языка, функционировавших в различные периоды его существования. Конечная цель использования данного метода — смыкание этимологических и историко-лингвистических работок и восстановление лексикона языка различных этапов на протяжении всей истории существования языковой системы.

Возникает необходимость двояко толковать термин «реконструкция» — узко и расширительно. Узкому толкованию соответствует традиционное, отраженное в этимологических разработках его понимание как воссоздание *незасвидетельствованных* фактов языка. Расширительная же

трактовка термина предполагает восстановление в историко-лексикологических исследованиях и зафиксированных в отдельных источниках, и не зафиксированных, но существовавших языковых единиц. Полученные таким образом сведения либо выступают дополнительным доказательством существования в прошлом выявленных лексем, либо дополняют уже имеющиеся данные.

В первом параграфе ставятся также теоретические проблемы, которые неизбежно возникают непосредственно при работе по восстановлению лексики. Центральной является проблема достоверности реконструкции, которая сопряжена со всеми затруднениями, возникающими в процессе выявления слов, и обусловлена ими. Важен вопрос о рамках (степени исторической глубины) работы по реконструкции лексики в историко-лексикологическом исследовании.

Во втором параграфе «История освещения проблемы реконструкции лексики в научной литературе» анализируются аспекты, в которых имена собственные изучались отечественными лингвистами, в том числе в плане реконструкции лексикона русского языка предшествующих этапов письменной эпохи.

Научная литература по изучаемому вопросу («реконструкция лексики на материале ономастических данных») обширна. Она включает сотни работ — статей, тезисов, монографий, диссертаций, — прямо или (что чаще) косвенно связанных с этим вопросом. Языковеды свидетельствуют, что проблема реконструкции лексики актуальна. Обращение к этой проблеме способствует дальнейшему развитию ономастики, этимологии, исторической лексикологии, диалектологии, этнолингвистики, диалектной, исторической, ономастической лексикографии. В конечном итоге, владение методом реконструкции требуется от всех ономастологов, поскольку практически в любом исследовании ИС необходимо изучение производящих основ (и в структурном, и в семантическом аспектах). Кроме того, имена собственные (в частности, топонимы) — неисчерпаемый источник сведений, в которых заинтересованы историки, краеведы, этнографы.

Абсолютное большинство работ по реконструкции лексики имеет практическую направленность. Лишь в нескольких трудах ономастологов решался вопрос о методике исследований, связанных с реконструкцией русской лексики; единичные работы посвящены методике изучения субстратных топонимов.

Такое положение в лингвистике исторически обусловлено. В большинстве трудов лингвистов рассматривались частные аспекты, обычно лишь косвенно связанные с проблемой реконструкции лексики. В числе таковых — следующие:

а) источники материалов для исследования (среди них назывались памятники письменности, литература справочного характера, полевые

записи, художественная литература, фольклор; к числу наиболее ценных относят данные лингвистических экспедиций, памятники письменности) (Н.Н.Бражникова, Р.И.Кудряшова, А.К.Матвеев и Г.Я.Шаламова, В.В.Палагина, Е.Н.Полякова, Л.Л.Трубе и др.);

б) источники ИС (в качестве источников антропонимов называют русские и заимствованные апеллятивы, имена, прозвища, фамилии и т.д., в качестве источников топонимов — русские и заимствованные этнонимы, географическую терминологию, социально-историческую терминологию, личные имена, фамилии и т.д.) (Ю.В.Алабугина, О.В.Востриков, В.Ф.Житников, А.С.Кривошекова-Гантман, П.Т.Поротников, А.И.Туркин, Ю.И.Чайкина и др.);

в) диалектизмы как особого рода источник ИС (Е.Н.Варникова, О.В.Востриков, В.Ф.Житников, А.К.Матвеев, В.А.Никонов, В.В.Палагина, Е.Н.Полякова, В.П.Тимофеев и др.);

г) ИС как источник этимологических изысканий (главным образом на материале фамилий) (А.К.Матвеев, А.Г.Мосин, В.А.Никонов, Е.Н.Полякова, Ю.И.Чайкина, Е.М.Шумилов и др.);

д) ИС субстратного происхождения (весьма актуальный на Урале, данный вопрос нашел отражение в десятках исследований) (Г.В.Глинских, М.Л.Гусельникова, О.В.Гордеева, А.С.Кривошекова-Гантман, В.И.Лыткин, А.К.Матвеев, М.Т.Муминов, В.А.Никонов, М.Э.Рут и др.);

е) структура и семантика ИС (Ю.В.Алабугина, В.Д.Бондалетов, Е.Н.Варникова, И.А.Воробьева, Г.В.Глинских, Э.Д.Головина (Барышникова), О.В.Гордеева, А.С.Кривошекова-Гантман, В.А.Мальшева, А.К.Матвеев, В.А.Никонов, Е.Н.Полякова, Ю.И.Чайкина и др.);

ж) способы номинации (специальному рассмотрению были подвергнуты лишь проблемы метафоризации, иногда — ситуативный принцип номинации; не рассматривались случаи метонимического переноса значения) (Е.Л.Березович, Е.Э.Паклина, В.Д.Пахомова, М.Э.Рут, Н.В.Ткаленко, Т.Н.Чайко и др.);

з) этнолингвистические проблемы взаимосвязи языка и культуры (отражения в именах собственных особенностей мышления, менталитета, верований народа и т.п.) (Р.А.Агеева, Е.Л.Березович, Л.М.Дмитриева, Г.М.Керт, А.К.Матвеев и др.).

Непосредственно с целью реконструкции апеллятивов прошлых эпох проводилось комплексное исследование гидронимов (бассейна р. Оки) и некалендарных имен (например, на материале письменных источников XV-XVII вв. Карелии); в отдельных статьях и словарях к анализу привлекаются ойконимы, оронимы и фамилии. Это говорит о настоятельной необходимости использовать для восстановления лексической системы прошлого и другие источники: микротопонимию, извлеченные из памят-

ников письменности прозвища (в большей степени, нежели это делалось до сих пор), ойконимию, фамилии и др.

Метод реконструкции апеллятивов является следующим шагом в становлении ономастической теории как таковой: описание материала на синхроническом срезе всегда сопровождалось интересом к диахроническому плану исследования, со временем интерес к рассмотрению уже частично изученных источников в *историческом* аспекте становится преобладающим.

В силу этого работы предшествующих лет, в том числе описательные, рассматриваются как необходимый этап в становлении новых подходов к ономастическому материалу, в частности в становлении теории реконструкции лексики письменной эпохи. В конечном итоге, именно это позволяет назвать подобные труды *косвенно связанными* с изучаемой в проведенном исследовании проблематикой и рассматривать их в качестве таких, которые входят в круг работ, посвященных восстановлению слов.

Глава II «Методический аспект реконструкции русской апеллятивной лексики по данным ойконимии» посвящена рассмотрению методики восстановления слов предшествующих периодов на базе ойконимов, разработанной на пермском материале.

В результате анализа научной литературы, существующей в настоящее время, выявлено 4 методики, способствующие лексико-семантической реконструкции апеллятивов на материале гидронимов (Г.П.Смолицкая), фамилий (Ю.И.Чайкина), некалендарных антропонимов (И.А.Кюршунова) и лексической реконструкции вторичных личных имен на основе топонимов (Е.Н.Полякова).

С опорой на имеющиеся методики и опыт исследования названий населенных пунктов Пермской области по данным 1928 г. разработана методика реконструкции апеллятивной лексики на базе ойконимии. В дополнение к положениям, являющимся общими для методик восстановления слов на основе ИС, выработаны рекомендации, которые направлены на возможно более полный учет лингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих точности и достоверности реконструкций.

Обнаружено, что чрезвычайно важно изучить ИС на всех языковых уровнях. Предлагаемая методика отражает поступательное освоение материала и включает четыре этапа работы.

1) **Сбор и первичная обработка ойконимов.** Предлагается фиксация ИС и подготовка материалов для работы (составление полного списка ойконимов, формирование картотеки) с учетом некоторых факторов. В частности, целесообразно составление двух списков (административно-территориального и алфавитного), занесение на карточки различных экстралингвистических сведений и др.

На этом же этапе следует проводить первичный анализ топонимов (изучение фонетических, акцентологических, орфографических особенностей). По возможности необходимо выявлять опечатки, ошибки, допущенные в справочнике при передаче наименований (например, *Кануарская* вместо *Канцарская*, *Семища* вместо *Селища* и т.п.).

Предложенные в работе рекомендации по формированию рабочих материалов и их начальной обработке способствуют созданию более или менее широкого лингвистического и экстралингвистического контекста для реконструкции апеллятивов.

Первичный анализ вносит коррективы в количественные данные. Так, в результате первичного анализа (с учетом повторяемости и флективной вариантности) общее количество привлеченных к изучению пермских ойконимов (более 18 500) сократилось приблизительно до 10 000.

2) **Анализ структуры ойконимов.** Предлагается выявление структурных особенностей ойконимов (на морфемном и синтаксическом уровнях), которые необходимо учитывать при реконструкции апеллятивов.

Словообразовательный анализ моноксемных ойконимов и ведущих лексем в составных именовании Пермской области осуществлен с опорой на классификацию способов восточнославянского топонимобразования Н.В.Подольской. Однако исследуемый материал позволил расширить данную классификацию.

Определены аффиксы, которые необходимо отсекают при выявлении производящего имени нарицательного. Показаны возможность и целесообразность применения формантного анализа. Рассмотрены синтаксические модели образования ИС, учет которых влияет на верность семантической реконструкции компонентов полилексемных ойконимов.

Анализ системных связей в структуре ойконимов способствует точному установлению производящей основы (искомой лексемы).

3) **Анализ производящих основ ойконимов.** Данный этап не предлагался в имеющихся методиках. Его выделение продиктовано специфической целью реферируемого исследования, направленного на восстановление *русских апеллятивов*.

Ойконимы возникали в результате процессов взаимодействия имен нарицательных с именами собственными, ИС между собой, а также лексем, имеющих разные источники происхождения. Как следствие, из работы по реконструкции лексики необходимо исключить ряд топонимов: 1) возникшие на основе лексики из конфессиональной сферы (*Богоявленское*, *Введенское*, *Рождественская*, *Успенская (Успенка)* и т.п.), 2) являющиеся перенесенными наименованиями (*Берлин*, *Москва*, *Порт-Артур*, *Каменец-Подольская*, *Камчатка* и др.), 3) восходящие к календарным личным именам (*Абрамовичи* < Абрам, *Крысаны* < Крысан < Хрисанф, *Зотиева* < Зотий < Зот, *Манохи* < Маноха < Мануил < Иммануил,

Петрицево < Петрище < Петр и т.д.), 4) представляющие собой иноязычные лексемы (не ставшие апеллятивами русского языка, ср.: *Зюкай*, *Косьящер*, *Карман-Чяпчельда*, *Лызва*, *Мытчер*, *Редикор*, *Синя-Шор*, *Тубанаул*, *Уштыгорт*, *Шавляш*, *Янидор* и под.).

4) **Анализ реконструируемых апеллятивов.** Предлагается структурный (морфемный) анализ выявленных нарицательных имен, сопоставление их с лексемами, зафиксированными в специальной литературе (главным образом в словарях), и определение гипотетической семантики. Стадия морфемного анализа реконструированной лексемы ранее не предлагалась, но представляется крайне важной: такой анализ служит установлению однокоренных и сходных по структуре слов и, значит, более точному определению семантики.

Далее необходим лингвистический анализ восстановленных слов.

Безусловно, предложенная методика не является единственно возможной. На ином (не пермском) материале необходимо продолжить работу, нацеленную на уточнение, оттачивание теоретических посылок исследований по реконструкции лексики на базе ИС.

Поэтапное рассмотрение методики на конкретном (пермском) материале продемонстрировало, что в процессе восстановления лексики возникают различного рода проблемы, которые сопряжены с наиболее важной проблемой достоверности реконструкции, в частности: затруднения в определении функции форманта, в определении производящей основы географического названия, в определении структуры производящей основы топонима; при установлении семантики — затруднения в разграничении омонимичной лексики, в определении значения полисемичной производящей основы географического наименования, в определении значения лексем с неясной семантикой, и др.

Однако с преодолением частных затруднений делаются шаги в сторону решения важнейшей проблемы исследования. Как следствие, восстановление лексики представляется возможным.

В целом необходимо учитывать по возможности все факторы лингвистического и экстралингвистического плана, поскольку это отражается на интерпретации реконструируемых языковых единиц.

В **главе III** «Русская апеллятивная лексика, реконструируемая на материале пермской ойконимии 1928 г.», состоящей из трех параграфов, на примере наименований поселений отдельного региона отражены возможности аналогичных исследований.

В **первом параграфе** «Специфика лексико-семантических реконструкций на материале ойконимии в историко-лексикологических исследованиях» показаны направления, в соответствии с которыми может осуществляться восстановление слов и которые отличают такого рода изыскания от этимологических.

Обнаружено, что в историко-лексикологическом исследовании возможны четыре пути реконструкции слов и их семантики:

а) восстановление лексем и их значений, зафиксированных в исторических словарях, ср.: *Бурмистрова* < прозвище (пр.) Бурмистр < *бурмистр ‘управитель господского имения из крестьян’, ‘староста, назначенный помещиком’ [Сл XVIII II: 170; Фасмер I: 246], ‘выборный глава городского самоуправления’ [Сл XI-XVII IV: 357]; *Очерский Острожок* < *острожок ‘небольшой острог — город, селение, являвшиеся укрепленным пунктом’ [Цомакион: 296]; *Сатино* <...< *сата ‘мера сыпучих и жидких тел’ [Сл XI-XVII XXIII: 65], ‘мера хлеба’ [Фасмер III: 565];

б) восстановление лексем и их значений, не зафиксированных в исторических словарях, но закрепленных в свидетельствах более поздних состояний (в словарях XIX-XX вв.), ср.: *Городилова* <...< *городило ‘шутник, любящий поболтать, поговорить’ [СРНГ VII: 58], ср. также: *городила* ‘то же’ [СРНГ VII: 58], ‘кто врет, пустословит, городит чушь’ [Даль I: 381]; *Нохрин* <...< *нохра* ‘плут, хитрец, пролаз’ [Даль II: 556];

в) восстановление лексем и их значений, не зафиксированных в словарях, на основе засвидетельствованных слов, близких по составу либо фонемно-графическому комплексу (и предположительно семантике). Подобные реконструкции в значительной степени гипотетичны.

Например, анализ структуры названия *Пахнина* позволяет выделить один из наиболее распространенных русских по происхождению формантов — суффикс -ин-. Данная морфема указывает на то, что производящее слово имеет окончание -а (-’а). Поэтому, помимо суффикса и флексии, выделяется основа пахн’- и соответствующая производящая ойконим лексема *пахня.

Затем обнаруживается, что лексема зафиксирована лишь в «Словаре русских народных говоров» в составе идиомы *сбить с пахней* в значении ‘сбить с толку’ [СРНГ XXV: 291]. Ср. также в пермских говорах: ~ *сбить с пахтей* ‘сбить с толку’ [Прокошева: 321].

Вслед за этим проводится анализ структуры восстановленного слова. В сопоставлении со словами типа *ступня* (< *ступать), *клешня* (< *клещи) в слове *пахня* гипотетически выделяется, кроме оговоренной флексии -а, суффикс -н’- и корень -пах-, что позволяет соотнести данную языковую единицу с лексемой «пах» — ‘область между бедром и нижней частью живота’, «паховый», «паховый» — ‘прилагательное к пах’ [СлРЯ III: 34, 35].

Делается предположение, что значение реконструированного слова *пахня — ‘нога’, а первоначальная семантика идиомы *сбить с пахней* — ‘сбить с ног’.

Далее, в пермском памятнике письменности XVII в. (1678 г.) зафиксировано прозвище или некалендарное имя Пахорук [СПП VI: 172]. В

современных пермских говорах отмечены лексемы *пахорукий* ‘неловкий’, ‘имеющий большие или слабые руки’, *пахоручка* ‘женщина с большими или слабыми руками’ [СПГ II: 80], обладающие ярко выраженной экспрессивной окраской (пренебрежительности, снисходительности). Ср. данные XIX в.: *пахорукий* арх., волог. ‘не могущий свободно действовать руками, вялый, неповоротливый’ [Опыт: 154], *пахорукой* (насмешливое) ‘не владеющий одной рукой; в переносном смысле — неловкий, у кого все из рук валится’ [Подвысоцкий: 118] (вероятно, употребление данных лексем ограничивалось северновеликорусскими говорами). Кроме того, присутствующий в слове *пахня* суффикс -н(я) существует в современном русском языке, причем как аффикс, придающий оттенок уничижения, пренебрежения и т.п., ср.: *мальшня*, *солдатня*, *матросня*, *болтовня*, *грызня*, *брехня* и т.п. Это позволяет предположить, что для лексемы *пахня* была характерна аналогичная окраска;

г) восстановление лексем (семантика реконструкции не поддается), не имеющих аналогий среди слов, засвидетельствованных в русском языке различных периодов, ср.: *Дуруги* < *дуруг(-а), *Ехлоховский* < *ехлох, *Змелюгина* < *змелюга, *Лаутина* < *лаута, *Радурь* < *радур(-а), *Цивина* (*Цивино*, *Чивины*) < *цива (чива), *Щелеметина* < *щелеметь (щелеметя) и др. В настоящем случае не интерпретировано примерно 5% (≈ 500) производящих основ ойконимов.

Таким образом, обычно затруднения вызывает определение семантики, поскольку форма производящей основы ойконима в большинстве случаев поддается восстановлению — посредством сравнения с идентичными или сходными по структуре лексемами, имеющимися в современном русском языке, зафиксированными в памятниках письменности и т.п.

В историко-лексикологическом исследовании возможен и необходим анализ реконструированных апеллятивов с точки зрения времени их существования. В случае с названиями пермских поселений период функционирования (возникновения) нарицательных слов определяется главным образом тремя факторами: 1) показаниями памятников письменности, 2) датой первой фиксации производного от апеллятива ойконима, 3) временем фиксации старорусских прозвищ, пермских фамилий.

Так, зафиксировано наименование *Шмаково*. Одноименная деревня существовала в 1623 г. (по данным писцовых книг Михаила Кайсарова) и упоминалась в 1579 г. Иваном Яхонтовым [Шишонко: 179]. Кроме того, в 1623 г. назван «крестьянин д. Бессонова на р. Чусовой Васья Кузьмин сын Шмаков» [ИПФ: 265], люди с таким прозвищем упоминаются в уральских памятниках письменности в 1624, 1632, 1640 гг. [УИО: 486]. Прозвище Шмак имеет коми-пермяцкое происхождение: *шмак* ‘округлая шишка’ [КПРС: 561; ИПФ: 265]. Вероятно, данная лексема проникла в русские говоры Прикамья до XVI в.

Вследствие приведенных в параграфе наблюдений и выводов необходимы указанные выше стадии анализа выявленных нарицательных имен: во-первых, предварительный анализ структуры производящего ойконим апеллятива (сопоставление апеллятива с однокоренными словами; если же предполагается наличие аффикса, то сопоставление с лексемами, построенными по той же модели), во-вторых, привлечение данных словарей (исторических, диалектных, литературного языка, двуязычных).

Во втором параграфе «Особенности лексики, реконструируемой на материале ойконимии» на пермском материале осуществлен лексико-семантический анализ апеллятивов, выявляемых на базе ойконимов.

В результате всех проделанных операций на материале пермской ойконимии 1928 г. реконструировано значительное число апеллятивов (на основе приблизительно 65%, то есть 6500, ойконимов), демонстрирующих большую неоднородность, в частности:

а) различны источники восстанавливаемых слов: частично лексемы являются собственно славянскими (*Болото, Сосновое Болото, У Болота, Гарь У Болота* < *болото; *Раздор* < *раздор 'распашка (целины или запущенных земельных участков)'; и т.д.), частично заимствованными (*Алтынное, Алтынцы* < *алтын 'денежная единица и монета достоинством в шесть денег (позднее — в три копейки)' < тюрк. алтын 'золото'; *Бураки, Бураковский, Верхняя Бураковица, Нижняя Бураковица* < ... < финно-угор. *бурак 'короб, кузов (плетеный или гнутый)', 'берестяной сосуд с деревянным дном и крышкой, употребляемый для хранения сухих и жидких продуктов'; и др.);

б) восстанавливаются единицы словарного состава различных периодов существования русского языка:

- древняя лексика, сохраняющаяся в современном русском литературном языке либо в говорах (ср.: *Большая Дорога* < *дорога* < *dorga; *Шоломень* < *шоломень 'небольшая гора округлой формы', связано с др.-рус. *шолом* 'шлем' либо *шелом* из прасл. *šelm (однокоренное с *холм*); и т.д.),

- древняя, но исчезнувшая к настоящему времени лексика (ср.: *Важ-Сочище* < *сочище 'место, где сочили, то есть подсекали кору и подрубили с целью высушить на корню, деревья'; *Огурдино* < ... < *огурда 'человек, отлынивающий от выполнения каких-либо обязанностей, работы; лентяй', входит в разветвленное гнездо слов, которые широко распространены в говорах России, связаны семами 'бездействие', 'лень', 'уклонение от выполнения обязанностей' и фиксируются с XVII в.: *огуреть, огуриться, огурливо, огурливый, огурник, огурница, огурничать, огурничество, огурный, огурство, огурицк, огурица, огурь, огуряла, огурянье, огуряться*; и т.д.),

- лексика, заимствованная русскими в период заселения Русского

Севера и Прикамья (*Лянгасы* <...< *лянгас 'берестяная коробка' < удм. мар. лянгас; *Танькова* <...< *таньк 'дока, знаток, умелец' < тюрк. *таньк*; *Урай, Малый Урай* < *урай 'речной залив, старица' < манс. *урай*; *Харьозовка* <...< *харьюз 'хариус' < прибалт.-фин. *харьюс*; *Шабалина* <...< *шабала 'шумовка' < чув. *шабала*; *Шутемы* *шутём 'заросшее травой и кустарником пахотное поле' < коми *шутём*; и т.д.),

- новая лексика, возникшая в русском языке и проникшая в ойконимию в XIX – XX вв. (*Культиватор* < *культиватор, *Прогресс* < *прогресс, *Третий Интернационал* < *третий интернационал и т.д.);

в) восстановленная лексика проявляет большое разнообразие в аспекте частеречной принадлежности апеллятивов. Реконструируются слова самостоятельные: существительные (*Байбаков* <...< *байбак, *Арай* < *арай), прилагательные, в том числе субстантивированные (*Жадные* <...< *жадный, *Студена(-я)* < *студёный), глаголы, главным образом субстантивированные (*Заметаева* < н.и/пр. *Заметай* < *заметать; *Богодуй, Ветродуй* < *дуть), числительные, количественные и порядковые (ср.: *Семь Сосен, Три Курьи, Двадцатая Верста, Первая Делянка, Сороковая*), наречия (*Вперед* < *вперед, *Шанимони* < пр. Шанимония 'медлительный, ленивый человек' < *шани-мани 'еле-эле', *шаня-маня 'так-сяк'), – и служебные: предлоги (*Выселок По Реке Комарихе, Данькова На Горке, За Рожнятами, Над Родником, Под Шилихой, Позянка У Часовни, При Мельнице, Против Сосновой Горы* и др.), междометия (*Наухи* < пр. *Наух (-а)* < *наух перм. 'междометие, выражающее удивление: неужели, да ну!').

Онимизации подвергались сложные слова (как правило, прозвища): *Трегубова, Трегубовка* <...< *трегуб 'человек с заячьей или с рассеченной губой'; *Шестипаловка* <...< *шестипал(-ый); и т.д. В некоторых случаях ойконимы возникли на базе словосочетаний, в частности составных антропонимов (прозвищ), ср.: *Ивановские Кулиги, Красный Октябрь; Густокашина* < пр. *Густая Каша, Сыропятов, Сыропятова, Сыропятово* < пр. *Сырая Пята*. Отмечается использование аббревиатур: *Губконюшня, Мельница РИК'а*;

г) реконструируются, как правило, многозначные лексемы, ср.: *Масленники* <...< *масленник 'горшок или кадка для масла', 'оладья из пшеничной муки, жаренная на масле', 'человек, который любит есть жирное', 'разновидность куницы', 'гриб масленок', 'желтый цветок'. Уточнению семантики служат лингвистические и экстралингвистические факторы, ср.: *Половинкина* < пр. *Половинка* < *половинка 'низкорослый человек', 'внебрачный ребенок'; *Выселок Половинка* < *половинка 'место, находящееся в середине между какими-либо пунктами';

д) актуальные для проникновения в онимы значения выявляются с опорой на общерусскую и диалектную лексику. Материалом для семантической реконструкции диалектных слов служат различные говоры Рос-

сии, ср.: *Абатурова* <...< *абатур вят., ряз. ‘упрямец’, сарат. ‘нахал’ (возможно, восходит к тюркскому личному имени); *Мереховицы* <...< мереховица перм., волог. ‘о том, кто много ест’ < *мереховица ‘брюхо, живот’; *Полетаева, Полетаево* < н.и./пр. Полетай < полетай пск., твер. ‘быстрый, непоседливый человек’ < *полетать арх. ‘сбегать’, новг. ‘быстро побежать, пойти’. Соотнесенность в большинстве случаев с лексикой северо-русских говоров свидетельствует о генетическом родстве с ними пермских диалектов.

Выделяются диалектизмы фонетические (*Крутой Злобок* < *злобок ‘то же, что взлобок’), словообразовательные (*Марашикина* <...< *марашка ‘неопрятный человек, неряха’, ср. *замарашка*), морфологические (*Берлог* < *берлог ‘берлога’), лексические (*Редов* <...< *редый (редой) ‘беспалый’), семантические (*Мышкина* <...< *мышка ‘прозвище ребенка с тонким голосом’).

Гипотетически как диалектные апеллятивы восстанавливаются на материале около 30% (≈ 3000) названий населенных пунктов, что составляет приблизительно 45% от апеллятивных ойконимов.

Восстанавливаются не только неизвестные прежде лексемы и их семантика, но и ранее не выявленные ЛСВ зафиксированных слов. Например, на основе ойконима *Балина* возможна реконструкция двух омонимов, один из которых имеет два ЛСВ: коми по происхождению *баля*¹ ‘овца’ (исходное значение), ‘кроткий, незлобивый человек’ (переносное значение, характеризующее человека; в словарях не отмечено), собственно русское *баля*² ‘болтун’, связанное, вероятно, с лексемами *балаякать, балакать* ‘говорить о чем-л. пустом, незначительном, несерьезном, болтать’.

Помимо имен нарицательных, которые проникли в ойконимию непосредственно, восстанавливаются апеллятивы, вошедшие в нее благодаря прозвищам. Это ценно, поскольку сведения о значении прозвищ прошлых эпох до настоящего времени скудны и подобная информация всегда черпалась из косвенных источников.

В отдельных случаях отмечается статичность лексемы и ее семантики. Однако нередко есть возможность выявить динамику лексики в различные периоды истории русского языка: определить пути развития семантики, особенности функционирования слов как общерусских или диалектных, гипотетически восстанавливать словообразовательные цепочки (в том числе их недостающие, незафиксированные звенья) и др.

Например, ойконимы *Галанина, Галаничев* могут восходить к личному имени (< Галаня < Галактион), но равно допустима реконструкция апеллятива *галаня. В словаре М.Фасмера отмечается: «Галанить — шутить, громко смеяться, арх. Восходит к *галить* ‘смеяться’» [Фасмер I: 385] (ср. также: *галить* ‘радоваться, ликовать’ [Сл XI-XVII IV: 9]). Восстанавливается словообразовательная цепочка: галить ‘смеяться’ >

*галаня ‘человек, любящий посмеяться, шутник’ > галанить ‘шутить, громко смеяться’.

Таким образом, пополняются сведения о лексиконе русского языка (в частности, пермских говоров) прошлых периодов. Полученные в результате реконструкции данные могут быть использованы в историко-лексикографической практике.

Рамки диссертации не позволяют всесторонне и глубоко осветить результаты работы по реконструкции апеллятивов, описать всю восстановленную лексику и все характеризующие ее системные связи. По этой причине в третьем параграфе «Реконструированные апеллятивы тематической группы “Географические термины”» более подробно проанализирована лексика лишь одной тематической группы.

Глава IV «Тематическая классификация реконструированных апеллятивов» связана со вскрытием системных связей восстановленных нарицательных слов в одном из аспектов — лексико-семантическом.

Семантика реконструированных нарицательных слов очень разнообразна. Выявлены слова, характеризующие географические объекты (ГО), и слова, характеризующие не ГО. К первым отнесены: 1) топографические лексемы, т.е. видовые названия населенных пунктов (*Горохово-Займище, Новая Деревня, Села* и т.п.) и географические термины (*Орешник* < *орешник; *Вышка* < *вышка ‘гора, более высокая, чем другие горы поблизости’; *Коржавина* < *коржавина ‘болотистое место в лесу с застоявшейся, тухлой водой’; и т.д.); 2) собственно апеллятивные лексемы, не опосредованные антропонимами, характеризующие ГО, но не являющиеся терминами (*Верх-Грязнуха, Грязнушка, Грязный Прудок* < *грязный ‘мутный, непрозрачный’; *Левый Бизяр* < *левый ‘расположенный на левом берегу’; *Убиенный Лог* < *убиенный ‘такой, на (в) котором произошло убийство’; и под.). Ко вторым отнесены: 1) прозвищные — апеллятивы, опосредованные антропонимами (*Волокушина, Волокушино* < пр. Волокуша < волокуша ‘человек, подволакивающий ноги’ < *волокуша ‘примитивная повозка’, ‘приспособление для боронования’; *Тумина* < пр. Тума < *тума ‘метис, полурусский, полутатарин’; и т.д.); 2) искусственно привнесенные в ойконимию (*Будильник, В Единении Сила, Коммуна, Молодой Путеводитель, Юный Сентябрь* и пр.).

В классификации учтен общесемантический тип слов (принадлежность к именам собственным или же непосредственно к именам нарицательным), при помощи которых апеллятивы проникали в топонимию, способ деривации словарных единиц (прямой, переносный / опосредованный (метафорический, метонимический), ситуативный), степень традиционности / случайности апеллятивов — основ русских ойконимов.

В **Заключении** изложены основные выводы исследования, а также очерчены перспективы исследований по реконструкции лексики предше-

ствующих эпох на ойконимическом материале.

Многообразие полученных данных требует дальнейшего их изучения в других аспектах, в частности с точки зрения словообразования, лексических особенностей (омонимии, синонимии, антонимии, паронимии и т.п.) и др.

Перспективной представляется работа с полученными сведениями, направленная на повышение степени достоверности реконструкции. Весьма значимы сведения, извлеченные из памятников письменности, созданных на территории современной Пермской области в период формирования русской ойконимической системы, а также из русской антропонимии. Неоценимы для этимологических изысканий данные, которые черпаются из других славянских языков.

Необходимым продолжением исследования видится составление различного рода словарей, в частности полного словаря реконструированных апеллятивов. Целесообразно составление этимологического словаря ойконимии Пермской области.

Значима в целом работа по реконструкции лексики на материале ИС России, изучению восстановленных словарных единиц и дополнению сведений о лексиконе русского языка на предшествующих этапах письменной эпохи.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. К вопросу о реконструкции апеллятивов по данным топонимии // Словесность и современность: Материалы науч. конф. Пермь, 2000. Ч. 2: Лингвистика. С. 98-105.

2. К вопросу о влиянии социальных катаклизмов на систему имен собственных (на материале пермской ойконимии 1928 г.) // Периферийность в культуре XX века: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 27-28 июня 2001 г., Пермь. Пермь, 2001. С. 208-211.

3. Классификация лексики живой народной речи Прикамья, реконструированной на материале пермской ойконимии // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н.Головина: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001. С. 41-44.

4. Взаимодействие ойконимии и гидронимии (на материале пермских топонимов 1928 г.) // Русский язык: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. памяти Г.А. Турбина. Челябинск, 2002. С. 9-13.

5. Географическая лексика как объект междисциплинарных исследований: к вопросу о создании туристических путеводителей по Пермской области // География и регион VI. Туризм и туристический сервис: регио-

нальные аспекты: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2002. С. 114-117.

6. Источники наименований населенных пунктов (на материале пермской ойконимии 1928 г.) // Язык — Культура — Человек: Сб. науч. ст. / Отв. ред. О.Н.Иванищева. Мурманск: Мурман. пед. ин-т, 2002. Вып. 2. Ч. 2 (Языкознание). С. 35-40. (Учен. зап. / Мурман. пед. ин-т).

7. К вопросу о взаимодействии языков (на материале пермской ойконимии 1928 г.) // Этнос. Язык. Культура: культурные смыслы в народном языке и художественных текстах: Материалы четвертой Всерос. науч. конф. Славянск-на-Кубани, 2002. Вып. 4. С. 93-96.

8. К вопросу о «нулевом форманте» в именах собственных (на материале пермской топонимии) // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: Материалы межвуз. науч. конф. (Пермь, Перм. ун-т, 17-18 сентября 2002 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 116-119.

9. К вопросу о реконструкции апеллятивов как методе исторической лексикологии // Изменяющийся языковой мир: Докл. междунар. науч. конф. Пермь, 2002. С. 106-112.

10. К вопросу о степени информативности топонимов // Проблемы лингвистического краеведения: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. Пермь, 2002. С. 39-47.

11. Ойконимы как лингвокраеведческий материал // Эстетический и лингвистический аспекты анализа текста и речи: Сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. 20-22 февраля 2002 г. Соликамск, 2002. Т. 3. С. 192-198.

12. Календарные имена, отраженные в пермской ойконимии (на материале справочника «Список населенных пунктов Уральской области» за 1928 г.) // Проблемы филологии: Материалы конф. молодых ученых и студентов (апрель 2002 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2003. С. 17-18.

13. Пермские ойконимы финно-угорского происхождения (на материале справочника «Список населенных пунктов Уральской области» за 1928 г.) // Проблемы филологии: Материалы конф. молодых ученых и студентов (апрель 2002 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2003. С. 18-20.

Подписано в печать 14 октября 2003 г. Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано на ризографе ООО Учебный центр «Информатика»
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15.